

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

И ВЫ ЕЩЕ СПРАШИВАЕТЕ,
ЗАЧЕМ ОН ЕГО ЗАСТРЕЛИЛ?

**ПЬЕДЕСТАЛ
ДЛЯ АУТСАЙДЕРА**

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Пьедестал для аутсайдера

«PEN-клуб»

2013

Абдуллаев Ч. А.

Пьедестал для аутсайдера / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2013 — (Дронго)

К знаменитому сыщику Дронго обратилась женщина из Швейцарии с просьбой обеспечить безопасность бывшему мужу, известному олигарху Илье Смыкалову. Дронго отказался было от дела, ведь он эксперт по особо тяжким делам, а не телохранитель, но вскоре изменил свое решение. И причиной тому был не высокий гонорар, а полученная сыщиком информация, которая моментально перевела дело олигарха из разряда банальных в разряд уникальных. Дронго приступил к работе, даже не подозревая, что раскрытие этого преступления приведет его к неожиданным и парадоксальным выводам, а само расследование станет одним из самых необычных в его карьере...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чингиз Абдуллаев

Пьедестал для аутсайдера

«Знаете ли вы, как улыбаются и опускают глаза люди низкого звания, когда, непонятным для них образом, на их взгляд несправедливо, возносят и повышают в чине какого-нибудь человека из их среды, с которым у них вот уже никак не связывалось таких ожиданий? Эти улыбки, эти переглядыванья, эти потупленные взоры, то смущенные, то ехидные, то завистливые, а то и снисходительные, пожалуй, даже восхищенные прихотью счастья и начальства, он замечал в ту пору изо дня в день...»

Томас Манн. «Иосиф и его братья»

«Следует зрело и неоднократно обдумывать свои планы до приведения их в исполнение и, даже рассчитав все самым основательным образом, необходимо принимать во внимание несовершенство всякого человеческого знания, вследствие которого всегда могут встретиться обстоятельства, рассмотреть и предусмотреть которые невозможно, но при которых весь расчет может оказаться неверным».

Артур Шопенгауэр

«Любящий деньги не только ненавидит врагов своих, но и к друзьям относится как к врагам».

Иоанн Златоуст

Глава 1

И когда расследуешь любое преступление, тебе кажется, что оно самое важное и самое главное в твоей жизни. Кажется, что именно сейчас решается вопрос о равновесии мирового добра и зла, словно именно это конкретное преступление может решить судьбу извечного спора, в котором заведомо никогда не может быть победителя. Ибо зло обречено на самопожирание, а добро иногда перетекает в зло, и все это перемешивается таким образом, что никто из живущих не может взять на себя ответственность, разграничив тонкую грань между добром, порождающим зло, и злом, защищающим добро.

Дронго прилетел в Москву поздно вечером, когда в городе начался сильный дождь. Встречавший его Эдгар Вейдеманис приехал в аэропорт в плаще, несмотря на теплую майскую погоду. Они вышли из здания нового аэропорта «Шереметьево», который стал удивительно удобным после того, как его перестроили. Насколько неудобным и тесным он был еще несколько лет назад, настолько просторным и удобным стал после реконструкции. Усевшись в машину, которая ждала их на стоянке, они поехали в центр города.

– Надеюсь, меня никто срочно не искал? – поинтересовался Дронго.

– Даже не надейся, – усмехнулся Вейдеманис, – все время звонят и тебя спрашивают. Твоя слава перешагнула границы, и теперь звонят даже из соседних стран. Особенно из Казахстана и Украины. Там, видимо, считают, что ты мастер на все руки.

– В каком смысле?

– Обычные личные запросы. Кому-то нужно проследить за женой, а кто-то пытается найти сбежавшего мужчину. Я пытаюсь им объяснить, что ты никогда не занимался подобными делами. И вообще, ты специалист по наиболее тяжким преступлениям. В таких случаях каждый из позвонивших считает, что именно их случай самый тяжелый. Они просто путают

специфику жанра, считая тебя обычным детективом, которого можно нанять, заплатив деньги в детективном агентстве, и отправить следить за неверным мужем, искать сбежавшую любовницу или приструнить нерадивого отпрыска. Им трудно поверить, что ты аналитик, который лично не занимается подобными глупостями.

– Для этого у настоящего сыщика должен быть свой Арчи Гудвин, – вспомнил Дронго, – это как у Рекса Стаута. Я буду сидеть неподвижно в кресле, разгадывая одну загадку за другой и обожая орхидеи, как Ниро Вульф, а ты будешь бегать в поисках преступников и сообщать мне во всех подробностях о наших расследованиях. Такой вариант тоже возможен, но мне он крайне неинтересен. Я бы хотел всегда лично участвовать в расследованиях и лично присутствовать на местах преступлений. Уже не говоря о том, что неподвижный образ жизни явно не для меня.

– Только не говори этого при Джил, – напомнил Эдгар, – ей, по-моему, не очень нравится твоя профессия.

– Она терпеть не может мою профессию и мои частые отлучки в Москву или в Баку. Джил считает, что я должен ухаживать за цветами и деревьями в ее римском доме и навсегда бросить дело, которым занимаюсь вот уже столько лет, – согласился Дронго. – Но это занятие не для меня. Без умственной работы я быстро завяну, как цветок, который несколько дней не получал воды... Значит, ты всем отказал?

– Всем, кроме одной посетительницы.

В их небольшой офис на проспекте Мира иногда попадали и абсолютно незнакомые люди, которым удавалось узнать либо номер телефона, либо адрес, по которому обычно сидели Эдгар Вейдеманис и постоянно дежуривший на телефоне Леонид Кружков.

– Что за посетительница? – поинтересовался Дронго.

– Женщина, которая прилетела из Швейцарии, – вспомнил Вейдеманис, – ей уже под шестьдесят, и она очень плохо выглядит. Я подозреваю, что она серьезно больна. И наверняка проходит интенсивный курс лечения в Швейцарии. Но она приехала сюда, очень настойчиво тебя искала и лично явилась к нам, чтобы попросить тебя о помощи.

– Чем именно я могу ей помочь?

– Не ей. Она полагает, что ее мужу угрожает опасность, и просит каким-то образом его защитить.

– Надеюсь, ты объяснил ей, что я не работаю телохранителем? Охраной занимаются специализированные фирмы и детективные агентства. Почему она обратилась именно к нам?

– Насколько я понял, у ее мужа есть охрана, и достаточно серьезная. Но, похоже, она всерьез опасается за жизнь своего супруга. Хотя и бывшего.

– Я тебя не совсем понимаю.

– Она пришла просить за человека, который раньше был ее мужем, – пояснил Вейдеманис.

– А сейчас?

– Сейчас он женат уже третьим браком, – сообщил Эдгар, – представляешь? Третьим браком. Когда она мне сказала, я чуть не подпрыгнул на месте. Есть еще такие женщины – «декабристки», которые готовы ради своего мужа пройти через любые испытания. Он бросил ее лет двадцать назад, хотя обеспечивает достаточно неплохо. В середине девяностых женился во второй раз, а в середине нулевых – в третий. И несмотря на его последующие браки, она пришла и просит для него помощи. Она честно призналась, что ждет возможных неприятностей и боится за жизнь своего бывшего мужа. И, между прочим, отца ее единственной дочери.

– Сколько лет девочке? – спросил Дронго и, не дожидаясь ответа, предположил: – Если они развелись двадцать лет назад и у этой шестидесятилетней есть дочь, то ей, должно быть, лет двадцать пять или тридцать.

– Двадцать восемь, – улыбнулся Вейдеманис, – и мать боится не только за своего бывшего мужа, отца девочки, но и за свою дочь, которая уже достаточно большая.

– Так. Уже интересно. Что хочет эта женщина?

– Чтобы мы спасли ее мужа. Или даже не так. Чтобы мы помогли уберечь ее мужа от возможных неприятностей. Несмотря на его охрану и телохранителей.

– Совсем интересно. У него есть своя охрана и телохранители. Он достаточно состоятельный человек, чтобы позволить себе окружить свою персону надежными профессионалами. Политик или бизнесмен?

– Бизнесмен. Один из самых богатых людей, по версии журнала «Forbs».

– И поэтому бывшая супруга так за него боится, – спросил Дронго, – может, она боится не за него, а за свои деньги? Если он ее обеспечивает, то вполне возможно, что в этой необычайной заботе есть и ее конкретный корыстный интерес.

– Никакого интереса нет, – возразил Эдгар, – я все уточнил. Он перевел на ее счет три миллиона, и она может жить всю оставшуюся жизнь на одни проценты. И вообще, деньги ее, видимо, мало интересуют. Судя по ее виду, ей осталось жить не так долго. Во всяком случае, разговаривая со мной, она прилагала определенные усилия. А перед домом стоял ее «Мерседес» с водителем и, очевидно, секретарем. Когда наша гостыя вышла, они бросились к ней и помогли усесться в салон машины.

– Может, вторая женщина была ее дочерью?

– Не похоже. Она обращалась к нашей гостые на «вы», и ей лет пятьдесят, не меньше. К тому же она иностранка, так как говорит по-русски с очень сильным немецким акцентом.

– Может, она очень воспитанная дочь, – недовольно заметил Дронго. – Очень интересное дело выходит из твоих слов. Появляется неизвестная пожилая дама, которая тяжело больна и прилетела в Москву только для встречи со мной. Выясняется, что она боится за отца своего ребенка. Хотя у этого мужика есть собственная охрана и огромные деньги, если три миллиона он выделил только своей первой жене. И еще две жены, наличие которых почему-то не очень волнует его первую жену. Все правильно?

– Да. И она оставила чек на сто тысяч долларов. На предъявителя в немецком банке, – вытащил чек Вейдеманис. – Отправим обратно или ты все-таки захочешь проверить это дело?

– Какие вы все меркантильные... – Дронго забрал чек у своего друга и положил его в карман. – Если все время думать только о деньгах, то постепенно исчезнут все нравственные ориентиры. Тогда станет возможным брать деньги и помогать преступникам уходить от наказания, сваливать вину на невиновных и тому подобное. Так можно будет далеко зайти.

– Но чек ты у меня отобрал, – улыбнулся Эдгар.

– Чтобы не соблазнять тебя такой большой суммой, – парировал Дронго.

Вейдеманис коротко рассмеялся.

– Мне тоже эта история показалась достаточно интересной, и я решил, что ты обязательно захочешь в ней разобраться. Если, конечно, до этого не произойдет ничего особенно страшного.

– Кто этот человек?

Вместо ответа Эдгар достал глянцевый журнал, развернул и показал его Дронго.

– Не может быть, – нахмурился тот, – неужели это сам Илья Смыкалов?

– Именно он. Тот самый Смыкалов, с которым ты встречался пять лет назад.

Пять лет назад было решено помочь семьям трех убитых в Дагестане сотрудников полиции. Хотя тогда они еще назывались сотрудниками милиции. Обратились к нескольким людям, имеющим возможность помочь семьям погибших офицеров. Смыкалов согласился дать только десять тысяч долларов. Остальные двое дали по пятьдесят. Сто десять пришлось делить на три семьи. Тогда еще десять тысяч долларов добавил сам Дронго. Офицеры погибли в результате засады, в которую попали не по своей вине. У всех троих остались семьи, в двух из которых

дети были еще грудного возраста. Дронго посчитал для себя невозможным остаться в стороне от трагедии. И получилось, что он и один из самых известных олигархов внесли одинаковую сумму. Смыкалов тогда настоятельно просил нигде и никогда не упоминать его имени в качестве благотворителя. Он принципиально никогда и никому не давал денег. По своей основной профессии он был финансистом и именно поэтому хорошо знал цену деньгам. Поговаривали, что Илья Смыкалов много лет проработал рядовым финансистом на одном из крупнейших комбинатов страны и только после распада Союза начал быстро делать деньги, выдвигаясь в ряды наиболее известных и богатых людей страны.

– Значит, к нам приходила первая супруга Смыкалова? – вспомнил Дронго.

– Именно так. И она оставила чек на сто тысяч. Я вспомнил, как ее муж дал десять трем семьям погибших офицеров милиции. И ты добавил еще свои десять. И поэтому решил, что тебе будет интересно заняться именно этим делом. Если человек такой жмот, что за его охрану и безопасность готова платить первая жена, то это само по себе интересно. Тем более если речь идет о твоём знакомом Илье Смыкалове.

– Давай снова и по порядку, – предложил Дронго. – Когда приходила его первая супруга?

– Четыре дня назад. Она оставила деньги и попросила срочно с ней связаться. Оставила свой электронный адрес и сказала, что находится на лечении в Берне. Мы можем связаться с ней по «Скайпу», если захотим поговорить.

– Ясно. Но почему она считает, что ее бывшему мужу грозит опасность? Она уже двадцать лет не живет рядом с ним.

– Не двадцать, а немного меньше, – вспомнил Вейдеманис. – Этого она нам не сказала. Настаивала на встрече с тобой и, уходя, оставила чек. Я думал, что это обычная плата за встречу. Но когда посмотрел на сумму, то просто обомлел. И поэтому сразу начал звонить тебе.

– Ты тоже жмот хороший, – буркнул Дронго, – как только видишь большие деньги, так сразу теряешь голову. А если бы она выписала двести тысяч, ты заставил бы меня лететь сразу к ней в Швейцарию.

– Но ты сам считаешь этот случай необычным, – возразил Эдгар.

– Считаю, потому что ничего подобного у меня в жизни никогда не было. Но брать заранее деньги в любом случае некрасиво и очень глупо. А если я узнаю какие-то подробности из жизни Ильи Смыкалова и решу, что мне лучше отказаться?

– Тогда вернешь мне чек, и я перешлю его бывшей супруге Смыкалова, – предложил Эдгар, – тем более что мы знаем, как именно можно ее найти.

– А где сейчас ее дочь?

– Понятия не имею. Мы об этом не говорили.

– И очень напрасно. Это самое важное в нашей истории. Возможно, опасность угрожает этому Смыкалову именно из-за его дочери, и мать девочки каким-то образом об этом узнала. Кстати, откуда сведения, что у него есть свои телохранители? Может, обычный охранник, роль которого по совместительству исполняет его водитель?

– Нет, – возразил Эдгар, – это мы как раз проверили. Смыкалова охраняют круглосуточно четыре или пять вооруженных охранников. Очевидно, ему есть чего опасаться, если он повсюду ходит с такой охраной. И самое главное... – Он сделал паузу, словно раздумывая, как именно сообщить следующую новость.

– Твоя прибалтийская манера говорить сделает меня неврастеником, – предупредил Дронго. – Что самое главное?

– На его жизнь уже было организовано покушение полгода назад. И тогда его ранили в руку, но покушавшийся был убит – застрелен телохранителями. Поэтому я думаю, что первая жена Смыкалова появилась здесь, уже зная какие-то подробности того преступления. И поэтому сразу внесла такую большую сумму.

– Ясно. Что еще вы узнали, пока меня здесь не было?

– Состояние Смыкалова оценивается в три с половиной миллиарда долларов, он один из тех, кто финансировал залоговые аукционы в России в середине девяностых и сказочно разбогател во время их проведения. Родился в пятьдесят третьем, для обычного олигарха у него довольно серьезный возраст. Большинство его коллег гораздо моложе. В восемьдесят третьем женился на Зинаиде Малкиной, в восемьдесят четвертом у них родилась дочь Жанна. Это не противоречит тем сведениям, которые мы получили от госпожи Малкиной. Она пришла к нам под своей девичьей фамилией.

– Поехали ко мне домой и прямо сейчас выйдем в «Скайп», – предложил Дронго. – По московскому времени сейчас уже десять, но в Берне только восемь, и я думаю, что мы не сильно потревожим больную своим звонком. Хотя, возможно, она всего лишь принимает там грязевые ванны. Вы не забыли проверить больницу и уточнить, чем именно она больна?

– Это было сразу заметно по ее внешнему виду, – сообщил Вейдеманис, – но мы все равно проверили. Больница – известный онкологический центр, где пытаются спасти безнадежно больных пациентов. Нечто среднее между хосписом и российским онкоцентром на Каширке. Хотя, насколько мы поняли, у находящихся там практически нет никаких надежд. Может, поэтому Малкина и обратилась к нам с такой необычной просьбой. Она понимает, что все может скоро закончиться, и пытается спасти отца своей единственной дочери.

– Судя по убитому нападавшему, у Смыкалова неплохие телохранители, – заметил Дронго, – хотя неплохие охранники не должны были позволить убийце приблизиться и начать стрелять в охраняемого объекта. Это уже явный прокол. Или явная провокация.

Автомобиль подъехал к дому, Дронго взглянул на своего старого друга и напарника:

– Пойдем выяснять, что именно известно этой несчастной женщине. И как мы можем ей помочь.

– Ты хочешь заняться этим делом? – спросил Эдгар.

– Конечно. Во-первых, интересно, а во-вторых, выгодно. Я никогда не говорил тебе, что тоже стал меркантильным человеком. И мне ужасно не хочется возвращать ей этот чек, – заговорщическим тоном сообщил Дронго.

Друзья рассмеялись. Они даже не подозревали, что это расследование станет одним из самых необычных в их карьере.

Глава 2

В этот день он приехал на работу раньше обычного. Он и так приезжал на работу всегда на полчаса раньше всех и появлялся в большой комнате за своим столом к половине девятого утра. Учитывая, что большинство сотрудников обычно опаздывало на десять, пятнадцать, а иногда и двадцать минут, получалось, что Илья Данилович Смыкалов появлялся на работе гораздо раньше своих коллег. Уходил он тоже позже всех, обычно не сразу после шести, как это делало большинство его коллег, с некоторым усилием досиживающих последние минуты на работе. Он обстоятельно собирал свои бумаги, раскладывал ручки и карандаши, готовясь к завтрашнему дню, убирал все лишнее со стола, проверял выдвигаемые ящики – наводил идеальный порядок. И только затем, уже в седьмом часу, когда в их большой комнате никого не оставалось, он надевал плащ и неспешно шел к лестнице. Лифтом Илья Данилович обычно не пользовался, благо они работали на третьем этаже. Он спускался по лестнице, осторожно переставляя ноги тридцать девятого размера, чтобы дойти до ближайшей станции метро и проехать на свою конечную, откуда до дома еще минут двадцать пять нужно было добираться на автобусе.

Дома его всегда ждали горячий ужин и любимые мягкие тапочки. Смыкалову шел тридцать восьмой год, и восемь лет назад он женился на Зинаиде Никаноровне Малкиной, которой было тогда двадцать девять лет. Из этого следует, что между супругами была разница всего в один год. Несмотря на свой относительно немолодой возраст, Зинаида Никаноровна была на момент замужества девственницей, и нетрудно догадаться, что, сохранив себя в неприкосновенности до такого возраста, она отличалась особой нравственностью и почти смирилась с тем, что мужчины не обращают на нее особого внимания. Она не была красавицей и не обращала на себя внимания мужчин. Но она была достаточно миловидной, спокойной женщиной с красивыми глазами василькового цвета и простым крестьянским лицом. Ее тетя была соседкой Смыкаловых, и она твердо решила познакомить двух одиноких людей друг с другом, считая, что обоим уже пора «остепениться», как она сама говорила. Благодаря настойчивым усилиям тетушки Зинаида и Илья впервые встретились, познакомились, разговорились. Зинаида Никаноровна была на целую голову выше своего нового знакомого. Но он был человеком положительным, работал в финансовом отделе крупного предприятия, неплохо зарабатывал и имел небольшую трехкомнатную квартиру, оставшуюся ему от мамы, с которой он жил почти до тридцати лет, пока она в прошлом году не умерла. Собственно, после этого печального события соседка и решила поженить их. В последний год Илья Данилович существовал один, и это было достаточно сложно. Смыкалов был человеком спокойным, выдержанным, тихим. У него было стертое лицо, которое обычно бывает у всех мелких чиновников, засидевшихся на своих местах. Брюки у него были всегда протерты, пиджаки лоснились. Но он был честный, порядочный и добрый человек. Женщина в доме ему, конечно, была нужна: после смерти матери квартира пришла почти в полное запустение. Поэтому Илья Данилович особенно долго не размышлял и, подталкиваемый энергичной соседкой, сделал предложение Зинаиде Никаноровне уже во время их третьей встречи. Зинаида, уже вполне подготовленная своей тетушкой, не стала просить времени на раздумье, Смыкалов вполне устраивал ее, и она почти сразу же согласилась, не кокетничая и не пытаясь произвести впечатление. Уже отправляясь на третью встречу с этим тихим и выдержанным человеком, она знала, зачем идет и какое предложение может последовать с его стороны.

Свадьбу сыграли скромную, на ней было человек двадцать самых близких родственников и друзей. Хотя друзей у Ильи Даниловича не было. Были две старые тетки и двое сослуживцев с работы, согласившихся появиться на его свадьбе. Все остальные гости были со стороны невесты.

В первую брачную ночь Илья Данилович вел себя не лучшим образом. Собственно, это был его четвертый опыт общения с женщинами. Первый подобный опыт он приобрел во время работы в студенческом стройотряде, когда в деревне, где они работали, взрослая тетка, заведующая сельпо, выбрала именно его в качестве своего ухажера, обратив внимание на его скованность и застенчивость. Ему было девятнадцать, ей тридцать шесть. Разница в опыте сказывалась. Она довольно требовательно и бесцеремонно лишила его девственности, сумев сделать из него некое подобие мужчины. Правда, подобный сексуальный опыт надолго отвратил его от женщин.

Вторая женщина, с которой он сошелся, была тоже старше него, и разница в возрасте была также весьма ощутимой – двенадцать лет. Илья Данилович уже работал в бухгалтерии, когда из соседнего отдела к ним начала заходить Елизавета Григорьевна. Ей было уже за тридцать, и она была вдовой, потерявшей мужа в автомобильной аварии и в одиночку воспитывающей своего сына. Разумеется, она проявила интерес к молодому, застенчивому и холостому бухгалтеру, появившемуся на их предприятии. Через некоторое время она пригласила его к себе и после долгих уговоров сумела напоить и наконец уложить в свою кровать. С Елизаветой Григорьевной он встречался больше четырех месяцев, пока у нее не умерла мать в Новосибирске, оставив на попечение дочери больного отца. Кроме отца, в Новосибирске остался большой двухэтажный дом, который принадлежал родителям Елизаветы Григорьевны и на который мог претендовать ее брат. Брат проживал на Украине и собирался вернуться в Россию. Но Елизавета Григорьевна приняла мужественное решение: она решила переехать с сыном и своим молодым другом в Новосибирск. С сыном проблем не было, а вот молодой друг не захотел покидать Москву. Может, потому что у него самого была больная мама и своя квартира.

Третьей женщиной Ильи Даниловича была обычная проститутка, когда вместе с заместителем генерального директора Никулиным он отправился в командировку в Ригу. Заместитель директора оплатил услуги двух девиц, и одна из них появилась в номере Ильи Даниловича. Тогда он впервые с возмущением и отвращением узнал о «французских поцелуях» и подобных «извращениях». Он был ошеломлен и оскорблен. Ему не понравилась такая форма общения. Ничего подобного у него не было ни с заведующей сельпо, ни с вдовой, к которой он ходил целых четыре месяца. Может, именно поэтому он так неловко вел себя в первую брачную ночь, не понимая, как именно ему следует поступать с девственницей. К тому же Зинаида Никаноровна очень смущалась и, как следствие, сжималась в предчувствии возможной боли, что сильно мешало ее мужу проявить свои лучшие качества. Все-таки он привык к тому, что женщины гораздо более охотно и свободно шли ему навстречу. Может, поэтому в первую ночь ничего не получилось. Во вторую ночь у них опять ничего не вышло. И только с третьей попытки ему удалось наконец лишить девственности свою супругу, что далось обоим достаточно нелегко. Может, именно этот сексуальный опыт навсегда отвратил Зинаиду Никаноровну от подобных «упражнений». К тому же выяснилось, что уже после первого контакта она забеременела и через девять месяцев родила здоровую девочку, так удивительно похожую на нее. Девочку назвали Жанной. Почему-то Смыкалову всегда нравилось именно это имя. Может, потому, что он всегда подсознательно мечтал о крепких женщинах-воительницах, которых так не хватало в его собственной жизни.

Если точно сосчитать количество интимных контактов между супругами за следующие несколько лет, то окажется, что их было немного. Не больше одного или двух раз в месяц. И только потому, что оба считали это неким выполнением своего супружеского долга. Она просто терпела его пыхтение, а он достаточно быстро все завершал, удовлетворенно кивал и почти сразу засыпал. Она шла в ванную комнату мыться и искренне не понимала, почему люди сходят с ума из-за этого секса. Немного боли, немного суеты и никакого удовольствия. Она вообще не понимала, как люди могут получать удовольствие от подобных занятий. Может, поэтому их общение становилось все более редким.

К тридцати восьми годам Смыкалов сильно полысел. Он носил очки, немного располнел. И без того не идеальная фигура превратилась в некое подобие «мешка с картошкой». Он работал старшим финансистом в отделе уже шестой год и радовался получаемым премиям и надбавкам. Илья Данилович считался крепким профессионалом, но человеком, абсолютно лишенным всяких амбиций. Достаточно было взглянуть на его фигуру, потухшие глаза за толстыми стеклами очков, вечно мятый пиджак и мешковато сидевшие брюки, чтобы понять, что этот человек был просто обречен на прозябание на вторых ролях. Жизнь с каждым днем становилась все хуже и хуже, продукты уже нельзя было купить на те деньги, которые им еще выдавали. Смыкалов отчетливо понимал, что если бы не деревенские родственники супруги, то они бы просто голодали.

Однако все изменилось в начале этого года. Руководителем их предприятия стал Борис Захарович Кирюхин, с которым Смыкалов учился в одной группе в институте. И почти сразу Кирюхин появился в финансовом отделе, чтобы навестить своего однокашника и пригласить его на дружеский ужин, которым он отмечал свое назначение. В этот вечер Смыкалов появился дома во втором часу ночи, в довольно веселом настроении и сразу увидел удивленный взгляд своей супруги, которая никогда прежде не видела своего мужа в подобном состоянии. С того вечера по предприятию поползли слухи о выдвижении Смыкалова. Никто не сомневался, что ставший генеральным директором молодой и амбициозный Кирюхин решит выдвинуть своего бывшего товарища на более значимую должность.

Так и произошло. Сначала Кирюхин поднял зарплату Смыкалову до возможного максимума. А затем предложил ему занять должность начальника финансового отдела. Сегодня Кирюхин должен был подписать приказ о назначении Смыкалова на эту должность. Именно поэтому в этот погожий теплый летний день Илья Данилович появился на работе раньше обычного. Он привычно прошел к своему столу, за которым проработал столько лет, уселся на стул, осмотрелся. Он даже не мог и представить, что сумеет сделать такой карьерный рывок, что в тридцать восемь лет жизнь круто изменится и его переместят отсюда в отдельный кабинет, находящийся недалеко от их большой комнаты. В отдельный кабинет со своим персональным телефоном, сейфом, столом и даже фикусом, оставшимся от прежнего руководителя финансового отдела.

Он станет начальником отдела, в котором будет сразу девятнадцать сотрудников. И Аннушка будет носить ему кофе в кабинет. Смыкалов вздохнул, еще раз оглядел большую комнату. Как все это странно. В другой, небольшой, комнате сидят двое заместителей начальника финансового отдела, каждый из которых мечтал стать руководителем их отдела. Но Кирюхин выбрал своего бывшего однокашника. Его можно было понять: в стране происходили такие невероятные события, их предприятие лихорадило, счета вовремя не оплачивались, и ему просто необходимо было иметь на этой должности своего человека. Об этом знал уходящий на пенсию Самсон Михайлович Руднев, проработавший здесь двадцать пять лет. Об этом знали оба заместителя начальника финансового отдела, которые понимали обоснованность мотивов Кирюхина. Это признавали и все остальные сотрудники финансового отдела. И, наконец, об этом уже давно говорили в коридорах предприятия.

Значит, сегодня он переедет в свой отдельный кабинет. Смыкалов выдвинул ящики стола. Они были идеально чистыми. Своему преемнику он оставляет чистые ящики. Все ненужные бумаги он уже уничтожил или сложил в свой портфель и унес домой. Сегодня утром должен выйти приказ, подписанный Кирюхиным о назначении Смыкалова начальником финансового отдела. Зарплата увеличится сразу в два с половиной раза. Хотя эта зарплата все равно ничего не значит. На нее давно уже ничего нельзя купить. Но деньги все равно нужны, и как хорошо, что именно сейчас его переводят на эту должность.

Кирюхин всегда был незаурядным человеком. Он был основным заводилой их курса, его любили все девочки, учившиеся с ними. Он как-то сразу умел располагать к себе людей.

Спортсмен-гандболист, высокого роста, широкоплечий, с белозубой улыбкой, открытым взглядом и не поддающимися никакому гребешку светлыми волосами, Боря нравился женщинам и умел ладить с мужчинами. К тому же он был племянником заместителя общесоюзного министра, что и обеспечило ему такой взлет карьеры, когда в тридцать восемь лет он стал генеральным директором предприятия, на котором работает более двух тысяч сотрудников.

Кирюхин всегда как-то по-дружески опекал Смыкалова. Может, потому, что еще на первом курсе забияка и грубиян Теодор Васадзе все время обижал молодого Илью, который едва доходил ему до плеча. Теодор был тоже спортсменом и, как Кирюхин, играл за сборную института. Однако в отличие от Бориса обладал тяжелым и мстительным характером. Увидев однажды, как Васадзе пристаёт к тихому Смыкалову, Борис вступился за него и даже подрался со своим коллегой по сборной института. Как бы там ни было, после этого Васадзе больше не приставал к Илье. Смыкалов проникся симпатией к своему защитнику, осмелился бывать на соревнованиях и стал болеть за команду, капитаном которой был Борис Кирюхин. Так они и подружились. Шумный, веселый, общительный, высокого роста, красивый, располагающий к себе Борис Кирюхин и замкнутый, мнительный, невысокий, закомплексованный Илья Смыкалов. Несмотря на абсолютное различие в характерах, они сошлись и даже сумели подружиться. Но после окончания института Кирюхин получил направление на работу в «почтовый ящик», находившийся в Москве, а Смыкалова послали в Ярославль, где он честно отработал почти четыре года, прежде чем его матери удалось задействовать все свои знакомства и перевести сына в Москву, на предприятие, куда его взяли рядовым сотрудником в финансовый отдел. Мамина подруга была двоюродной сестрой Самсона Михайловича, и, таким образом, Илья снова вернулся в Москву. Ему было легче, чем всем остальным: у него была московская прописка и московская квартира. Их дом находился довольно далеко от центра, но все равно в черте города, и Илья пользовался всеми льготами столичного жителя.

Сегодня Смыкалов должен принять дела у самого Самсона Михайловича, который тринадцать лет назад сделал все, чтобы перевести молодого специалиста из Ярославля в Москву. Скрипнула дверь, и в комнату вошла Анна – молодая девушка, которая зарабатывала у них стаж для поступления в вуз. Ей было девятнадцать, она приехал из провинции в надежде закрепиться в столице. Анна была высокой и симпатичной девушкой с большой грудью и пышными формами, она нравилась многим мужчинам, и не только в их отделе. На Илью Даниловича она никогда не обращала никакого внимания, для нее его просто не существовало. Несмотря на большую разницу в возрасте, в те редкие моменты, когда они все-таки общались, она называла его Ильей. Для Анны он был предметом обихода, как мебель или телефон, но никак не живым человеком. Сейчас она вошла в комнату, одетая в короткое платье светло-кремового цвета.

«Интересно, как она живет и откуда у нее деньги?» – неожиданно подумал Смыкалов. – Ведь она приехала, кажется, из Ростова и пытается уже в третий раз поступить в финансовый институт. Самсон Михайлович взял ее из жалости, чтобы у нее была работа и возможность оставаться в Москве. Говорят, что она живет у какой-то дальней родственницы и добирается до работы с тремя пересадками».

Илья Данилович словно впервые взглянул на девушку. Интересно, как она теперь будет его называть? Ведь слухи о его назначении уже целых две недели гуляют по предприятию. Просто Кирюхин был в отпуске и сегодня должен выйти наконец на работу, чтобы подписать приказ о назначении Смыкалова.

– Доброе утро Илья... Данилович, – сказала с некоторой запинкой Анна.

Смыкалов усмехнулся. Пусть привыкает. Теперь все в отделе должны будут так его называть. Теперь для них он уже не прежний «Илюша». Теперь он становится Ильей Даниловичем, и они все должны понимать, как именно следует к нему обращаться. Ведь он становится не просто начальником финансового отдела. Он становится руководителем отдела, будучи близ-

ким другом самого генерального директора, что делает его персону весьма значимой для всего коллектива.

– Здравствуй, Анна, – он всегда раньше обращался к ней на «вы», а сегодня решил, что наконец можно перейти на «ты».

Кажется, ее не удивило такое обращение, хотя два года, пока эта молодая козявка работала в их отделе, он обращался к ней исключительно на «вы».

Сейчас начнут появляться остальные работники. Позвонивший вчера Борис твердо пообещал ему, что сегодня утром подпишет документ, и поэтому уже сейчас можно перебираться в кабинет Руднева. Кирюхин должен подписать два приказа: первый – об увольнении в связи с достижением пенсионного возраста Самсона Михайловича Руднева и второй – о назначении Ильи Даниловича Смыкалова на должность начальника финансового отдела. Все, больше не следует оставаться в этой комнате, в которой он просидел так много лет. Пора перебираться в свой кабинет.

– Вам что-нибудь приготовить? – услужливо спросила Анна.

В финансовых вопросах она почти ничего не понимала, но как секретарь была почти идеальным сотрудником.

– Сделаешь кофе покрепче и принесешь мне в мой новый кабинет, – строго сказал Смыкалов.

Он поднялся и пошел к выходу, уже не глядя на Анну, которая явно собиралась у него еще что-то спросить. Но сейчас ему меньше всего хотелось с ней разговаривать. В коридоре он столкнулся с Халифманом, руководителем отдела снабжения, который был примерно одного со Смыкаловым возраста, но уже четыре года возглавлял этот важный отдел их предприятия.

– Доброе утро, Илья, – радостно протянул руку Халифман.

– Здравствуйте, Иосиф Наумович, – пожал руку Смыкалов. Он не помнил, чтобы Халифман раньше здоровался с ним за руку.

– Пришел пораньше, чтобы насладиться своим триумфом, – пошутил Халифман. – Старик Самсон уже давно потерял свои волосы и с ними всю свою силу. Давно пора было его менять.

Это была любимая шутка Халифмана, который намекал на абсолютно голый череп Руднева. Смыкалов ничего не ответил.

– Ты должен помнить, что наши отделы должны все время синхронно работать, – доверительно шепнул Халифман, – с Рудневым это не всегда получалось. Он достал нас своим консерватизмом. Поэтому я за тебя очень рад.

– Спасибо. – Смыкалов подумал, что немного позже объяснит этому типу, как именно следует его называть. Он хотел пойти дальше, но Халифман остановил его.

– Ты не знаешь, что происходит в городе? Я только сейчас прибыл из Минска. Пока ехал из аэропорта, видел длинную вереницу танков. Может, какие-то учения?

– Не знаю, – танки его интересовали сегодня меньше всего, – понятия не имею.

– Наверно, какие-то учения, – предположил нахмурившийся Халифман, – ну иди, иди. Удачи тебе. Иди и принимай дела у Самсона. Ты должен нанести ему последний удар. Как контрольный выстрел, чтобы он наконец понял, что его время ушло. Раз и навсегда.

– Здравствуйте, дорогой Илья Данилович, – закричала сотрудница отдела снабжения Ванда Богдановна. Ей было под пятьдесят, но она всегда была неопределенного возраста. Уже в молодости Ванда безобразно поправилась и с тех пор носила мешковатые серые платья. За последние двадцать лет она практически не изменилась. Ванда Богдановна умела находить нужных людей и налаживать необходимые связи. В этом она была незаменима.

– Я вас от души поздравляю. – Она взяла руку Смыкалова и энергично ее потрясла. – Вы заслуживаете этого места. Вы самый достойный кандидат. Как правильно и мудро поступает Борис Захарович, что выдвигает именно вас, такого молодого и опытного одновременно.

И вообще, давно нужно было освобождать Руднева, он явно засиделся на своем посту. Сейчас другое время. Нельзя пожизненно сидеть на своих местах. Эти старики уже всех достали. И конечно, нужно выдвигать молодых и перспективных.

– А ты, Ванда, у нас молодец, – беззлобно сказал Халифман, – всегда на стороне победителей.

– Вы разве со мной не согласны? – удивилась она.

– Всегда и на все сто процентов, – рассмеялся Иосиф Наумович, поднимая обе руки.

Илья Данилович прошел дальше по коридору, остановился у кабинета начальника финансового отдела. Уборщица уже успела здесь все убрать. Дверь была открыта. Он вошел, огляделся. Для него этот четырнадцатиметровый кабинет еще недавно был почти президентским, он всегда входил сюда с некоторым замиранием сердца. Илья посмотрел на пустой стул. «Нужно будет купить сюда вертящееся кресло, сейчас такие уже появились в магазинах», – подумал Илья. Он положил свой портфель на один из стульев, прошел к столу, осмотрелся. Бумаг на нем не было, очевидно, Самсон Михайлович тоже понимал, что сегодня будет его последний день на работе. Смыкалов улыбнулся. Нужно будет устроить прощальный банкет. Все-таки этот старик проработал здесь почти четверть века. Илья Данилович осторожно уселся на стул начальника отдела. Этот стул гораздо удобнее того, на котором он сидел столько лет. И здесь большой современный стол. Илья провел по нему рукой. Пыли не было, его тщательно протерли.

Интересно, как они поступят. Придет сам Кирюхин и представит коллективу нового начальника финансового отдела? Или придет кто-то из его заместителей? Не нужно гадать, все равно скоро начнется рабочий день и все станет ясно.

Дверь открылась, и в комнату вошел Самсон Михайлович. Илья привычно быстро вскочил со своего места: при виде шефа сработал натренированный за годы рефлекс.

– Здравствуй, Илья, – кивнул Руднев, – хотя теперь ты уже не Илья, а, наверно, Илья Данилович.

– Для вас я всегда Илья, – набравшись храбрости, ответил Смыкалов.

– Сколько лет прошло, – вспомнил Самсон Михайлович, – кажется, ты пришел к нам еще в семьдесят восьмом.

Память у него была великолепная.

– Верно, – кивнул Смыкалов, – все так и было.

Он по-прежнему стоял за столом хозяина кабинета.

– И ты почти уже стал начальником финансового отдела, – несколько иронично заметил Руднев.

Илья Данилович насторожился. Почему «почти стал»? Что за глупая ирония? И, словно услышав его вопросы, Самсон Михайлович продолжал:

– А теперь уступи мне мое место. Я думаю, что Кирюхину будет не до нас с тобой. Ни сегодня, ни завтра. И еще неизвестно, чем все это закончится. Ведь Борис Захарович у нас известный либерал. А либералам сейчас будет туго.

– Вы о чем? – ошеломленно спросил Смыкалов.

– А ты разве не знаешь? – удивился Руднев. – Сейчас объявили по телевизору. Создан Государственный комитет по чрезвычайному положению, куда вошли все руководители государства. Горбачев отстранен от власти. Видимо, наша перестройка уже закончилась. Теперь все будет, как прежде. И наш Борис Захарович вполне может вылететь со своего поста в два счета, – почти радостно сообщил Руднев. – А теперь давай уступи мне мое место. Согласись, что, пока нет приказа о моем освобождении, я все еще остаюсь начальником финансового отдела.

Смыкалов, осторожно ступая, словно наступая на стекло, вышел из-за стола. Услышанная новость потрясла его.

– Халифман говорил, что в городе танки, – вспомнил он слова начальника отдела снабжения.

– Они вводят в стране чрезвычайное положение, – сообщил Руднев, – в общем, закончилась песенка нашего вождя. Видимо, есть в этом какая-то закономерность, когда вожди слишком заигрываются. Так было с Хрущевым, так сегодня случилось и с Горбачевым. Эта перестройка уже всех достала. Ты, Илья, не стой здесь. Возвращайся на свое место и работай. Просто так получилось, что сегодня в стране ввели чрезвычайное положение, и теперь твое назначение откладывается на неопределенное время. Как и мой уход на пенсию, – с явным удовольствием произнес Самсон Михайлович.

Смыкалов вышел из его кабинета абсолютно потерянным. Какой Государственный комитет, что происходит?

Он увидел идущую по коридору Ванду. Она недовольно посмотрела на него.

– Слышали уже, что произошло? – спросила она.

– Говорят, что Горбачева отстранили от власти, – прошептал Илья Данилович.

– Давно пора, – убежденно произнесла Ванда, – сколько можно проводить глупые эксперименты? Всем надоел этот болтун со своей амбициозной женой. Вы... ты... Илья, не переживай. Но мы ведь все прекрасно понимали, что Борис Кирюхин, которого к нам прислали из министерства, был явно не на своем месте. Я знаю, что вы вместе учились, но делать генеральным директором такого мальчишку, которому нет еще сорока, было абсолютно неправильно. Таким даешь власть, а они сразу тянут за собой других, таких же некомпетентных и неподготовленных.

– Вы имеете в виду меня? – уточнил Смыкалов.

– И тебя тоже, – спокойно ответила Ванда. – Тебя ведь на работу брал сам Самсон Михайлович. У него и опыта больше, и работу он лучше знает. А ты сразу, с помощью друга, решил подсидеть своего начальника. Неправильно это, нехорошо.

– Никого я не подсиживал. Кирюхин сам предложил мне это место, – напомнил Смыкалов.

– Потому что не очень разбирается в своем деле, – убежденно произнесла Ванда. – И вообще, мой тебе совет: держись от него подальше. Он у нас такие речи произносил, демонстративно из партии вышел. Сейчас таких искать будут. И сажать начнут. Можешь не сомневаться. Ты ведь у нас из партии не выходил?

– Я беспартийный.

– Тем более. Держись от него подальше, – она пошла по коридору.

Илья Данилович, опустив голову, поплелся в свою большую комнату. Когда он открыл дверь, в комнате было уже несколько сотрудников их отдела. Увидев его, все сразу замолчали. Он вежливо поздоровался и пошел к своему столу. За спиной он услышал сдавленные смешки.

– Илья... Данилович, – с явной издевкой спросила Анна, – вы свой кофе будете пить здесь или в своем новом кабинете?

Кто-то, уже не стесняясь, громко рассмеялся. Смыкалов молчал, он не знал, как именно ему следует отвечать.

– Наверно, одним из первых снимут нашего генерального, – мстительно сказал кто-то из сотрудников, – он у нас демократ. Из партии вышел, Ельцина поддерживал.

– Не снимут, а арестуют, – возразил другой сотрудник, – и вообще, наведут порядок, как раньше.

– Вам кофе куда подавать? – снова настойчиво спросила Анна, уже явно издеваясь.

– Спасибо, – ответил Илья, – спасибо вам, Анна, за заботу. Я думаю, вам не стоит беспокоиться. Лучше отнесите кофе Самсону Михайловичу. Он как раз сейчас пришел на работу.

Снова раздалась смешки и хмыканье. Илья Данилович тяжело вздохнул. Похоже, что попытка изменить свою жизнь провалилась. И, возможно, навсегда.

Глава 3

Дронго включил ноутбук и вышел на связь с женщиной лет пятидесяти – секретарем фрау Малкиной. Она сообщила номер, по которому можно позвонить непосредственно в палату Зинаиде Никаноровне. И через минуту Дронго уже пытался связаться с состоятельной клиенткой. Сидевший рядом Вейдеманис отсел немного в сторону, чтобы его не было видно. В подобных случаях люди предпочитали беседовать без лишних свидетелей. Дронго терпеливо ждал, наконец он увидел крайне изможденное лицо Зинаиды Малкиной, первой супруги известного олигарха и бизнесмена Ильи Смыкалова. Достаточно было одного взгляда на нее, чтобы понять, в каком именно состоянии она находилась.

– Здравствуйте, госпожа Малкина, – поздоровался Дронго.

– Добрый вечер. Кто вы такой? Откуда вы узнали номер телефона фрау Штейгер? – тихо поинтересовалась Малкина. Она понимала, что только через нее он мог выйти на связь с этой палатой.

– Вы сами дали этот телефон моим помощникам.

– Как вас зовут?

– Меня обычно называют Дронго.

– У вас нет имени, – грустно улыбнулась женщина, – я про вас слышала.

– Есть, конечно. Но эта кличка давно заменила мое настоящее имя. Так гораздо удобнее.

В делах, которыми я занимаюсь, ненужная известность только вредит.

– Может, вы и правы, – согласилась Малкина. – Я хотела встретиться с вами лично и даже прилетела для этого в Москву, но вы в это время были в другом месте. Во всяком случае, именно так мне объяснили ваши помощники. Хотя, кажется, это был мой последний визит в Москву. Врачи советуют мне больше не садиться в самолеты даже для коротких перелетов. Правда, они говорят, что это временно, но я-то все понимаю.

– Да, меня не было в Москве, – кивнул Дронго, – и я представляю, как вам сложно было решиться на перелет. Однако вы решились и сделали это потому, что считаете свое дело исключительно важным. Насколько я понял, вы попросили о помощи и даже решили оставить чек на непривычно большую сумму. Я могу узнать, что именно вас беспокоит и почему вы решили, что вашему мужу может угрожать опасность?

– Бывшему мужу, – поправила его Малкина.

– Да, конечно. Бывшему мужу. Насколько я понял, он человек более чем обеспеченный и сможет надлежащим образом организовать свою охрану безо всякой помощи. И тем более без нашей. Но вы настойчиво просите меня вмешаться.

– Речь идет не только о нем, – вздохнула Малкина, – но и о моей дочери.

– В каком смысле?

– Через три дня он устраивает прием в своем загородном доме под Лондоном, – пояснила Малкина, – и я боюсь, что там может случиться что угодно. Вы, наверно, слышали, что несколько месяцев назад его пытались убить, но тогда охрана застрелила нападавшего. Я очень опасаюсь, что подобное нападение может повториться. А там во время этого приема будет наша дочь, которой тоже может угрожать опасность.

– Почему вы так считаете?

– А разве непонятно? У него нет других детей. И если с ним что-нибудь случится, то все его имущество и деньги перейдут к нашей дочери. Можете себе представить, как этого не хочет его нынешняя супруга и ее родственники? Особенно ее брат, у которого уже есть несколько судимостей. Ведь они считают, что все, чем владеет Смыкалов, должно принадлежать именно им. И поэтому я очень опасаюсь и за самого Смыкалова, и за нашу дочь, которая принципиально решила поехать туда на встречу со своим отцом.

– Насколько я знаю, ваша дочь далеко не ребенок и сама может решать, куда именно ей стоит или не стоит ехать.

– Да, конечно. Но я очень боюсь за нее. Несколько месяцев назад неожиданно исчез ее близкий знакомый, с которым она встречалась, и именно поэтому я опасаясь сейчас за нее. Возможно, он просто уехал, и в этом нет ничего необычного, а возможно, что не все так просто. В моем положении деньги не так важны, как судьба и благополучие моей девочки. Вернее, деньги важны, но у меня они есть, и поэтому я решила обратиться к вам. Мне посоветовали выйти именно на вас, сказали, что вы самый лучший эксперт в этой области.

– Ваша дочь работает или учится?

– Уже работает. В Шотландии. Она дизайнер и сумела сама устроиться на работу, несмотря на чудовищную безработицу в Великобритании. У нее уже есть свои первые личные заказы, – гордо сообщила Малкина.

– Поздравляю. Это очень здорово. Значит, вы подозреваете нынешнюю супругу своего бывшего мужа в возможных акциях против Смыкалова и вашей дочери?

– Ни в коем случае! – возразила Малкина. – Я просто решила поделиться с вами своими сомнениями. Убить нашу дочь выгодно огромному числу гостей, в том числе родственникам второй и третьей жен Смыкалова. Он такая любвеобильная натура. Раньше, в молодости, он никогда таким не был. Но очень большие деньги его испортили. Он стал меняться еще в девятнадцатом, когда получил свое первое высокое назначение. Вернее, стал меняться сразу, как только не получил свое первое назначение.

– Я вас не совсем понял. Так он получил или не получил назначение?

– Он был тогда обычным финансистом. И ставший генеральным директором их комбината Борис Кирюхин пообещал ему место руководителя финансового отдела. Но в день, когда Кирюхин должен был подписать приказ о назначении Смыкалова, начался августовский путч. Вот тогда его назначение и отменили... А потом пришлось уйти заместителю генерального директора, который был членом партии и поддержал выступление заговорщиков. Но это долгая и уже забытая история. Хотя на характере Смыкалова она очень сильно отразилась. Однако меня больше волнует не забытая история, а сегодняшние события. Я намеренно оставила чек с такой крупной суммой, чтобы вас заинтересовать.

– Читайте, что вам это удалось, – сказал Дронго. – Насколько я понял, вы хотите, чтобы я отправился в этот загородный дом и проследил там за хозяином и вашей дочерью.

– Да, я бы этого очень хотела, – призналась Малкина, – честное слово, я не совсем понимаю, что именно там происходит, но, зная характер моего бывшего супруга, я переживаю за обоих. Вы должны меня понять. Он очень сильно изменился, – снова тихо добавила женщина.

– И у вас нет других серьезных доводов, кроме вашей интуиции?

– Есть. Полгода назад было уже второе покушение, – сообщила Малкина, – а примерно два года назад было первое. И тогда его тоже ранили. Два покушения на его жизнь. И оба раза его ранили. Мне не нравятся эти повторяющиеся попытки убить Смыкалова.

Дронго взглянул на Вейдеманиса. И оба одновременно подумали об одном и том же: таких совпадений просто не бывает. Возможность повторного покушения достаточно велика, если есть заинтересованный заказчик, но возможность подобных совпадений, когда в обоих случаях объект был ранен, но не убит, крайне ничтожна. Сыщики и не подозревали, что им предстоит удивиться еще больше, когда они узнают другие подробности этих покушений.

– И вы не знаете мотивов нападавших, – уточнил Дронго.

– Понятия не имею. Но полагаю, что мотивы были более чем серьезные. Смыкалова все-таки хотели убить.

– Что стало с первым нападавшим?

– Его тоже застрелили. Это было примерно два года назад, – повторила Малкина, – газеты много писали об этом.

Дронго снова посмотрел на Вейдеманиса. «А вот таких совпадений точно не бывает никогда», – подумал каждый из них. Два нападения подряд, в обоих случаях объект нападения ранен, в обоих случаях нападавшие убиты. Словно повторение пройденного. Оба были слишком опытными профессионалами, чтобы поверить в такие невозможные совпадения. Дронго нахмурился.

– Остается позавидовать успехам его охранников, – сказал он. – Дважды они ошибались, позволяя убийцам стрелять в охраняемого ими человека. И дважды спасали своего подопечного, правда, уже раненого. Такого невероятного везения или совпадения я, пожалуй, еще никогда в жизни не встречал. И еще мне непонятна квалификация этих охранников.

– Мне тоже многое непонятно, – прошептала Малкина, – поэтому я и волнуюсь за нашу девочку.

– Во всяком случае, я еще не сталкивался ни с чем подобным. Оба покушения были в России?

– Нет. Первое было в Москве, второе – в Лондоне. И оба в ресторанах, – устало сказала она. – Я тоже понимаю, что это очень неприятные и опасные повторения. Если бы я могла, то не пустила бы Жанну к отцу. Но так тоже неправильно.

– Вы поступаете достаточно мудро, – согласился Дронго.

– И вы готовы туда полететь? – спросила она.

Было понятно, что ей трудно сидеть и она уже с некоторым усилием продолжает этот разговор.

– Я должен встретиться с вашей дочерью до того, как мы туда отправимся. Чтобы она могла представить меня в качестве своего друга.

– У вас слишком большая разница в возрасте, – возразила Малкина.

– Не такая большая, если вашей дочери под тридцать, – недовольно пробормотал Дронго, – или вы хотите, чтобы я поехал туда в качестве вашего доверенного лица и сообщил всем, что действую от вашего имени?

– Нет, – быстро возразила Малкина, – конечно, нет. Я дам вам номер телефона и электронный адрес моей дочери. И попрошу, чтобы она представила вас как своего друга. Такой вариант вас устраивает?

– Безусловно. Я думаю, что он устраивает и вас.

– Хорошо, – согласилась она, – только будьте осторожны. Очень осторожны, господин эксперт. Среди людей, у которых есть очень большие деньги, нужно быть особенно осторожным. Они – как огромные дикие животные. Обычно проходят там, где им нравится, не считаясь с интересами других обитателей саванны.

– Неплохое сравнение, – сказал Дронго. – Вы биолог или географ?

– Была учительницей географии, – сообщила она. – Как вы узнали? Смотрели мое личное дело?

– Слово «саванна», – ответил Дронго, – оно вас сразу выдало. Обычно говорят про джунгли, а вы сказали «саванна». Поэтому я предположил, что вы либо биолог, работающий с генетическим материалом, либо географ, который понимает разницу между различными ареалами обитания диких животных.

– Все правильно, – кивнула она. – Значит, вы согласны?

– Сначала я должен переговорить с вашей дочерью, – напомнил Дронго, – и понять, как именно нам следует действовать.

– Можете позвонить ей через десять минут, – оживилась Малкина, – я ей обязательно сообщу о нашем разговоре.

– Последний вопрос. Если разрешите, конечно.

– Задавайте.

– Почему вы развелись? Насколько я понял, вы прожили вместе больше десяти лет.

– Да. Почти одиннадцать.

– И почему развелись? Появилась соперница?

– Нет. Появились большие деньги. Очень большие деньги, господин эксперт. Которые сводят с ума и куда более крепких людей. Шальные деньги свели с ума Смыкалова.

– Ясно. Спасибо, что вы честно ответили на мой вопрос. А сейчас я немного подожду, пока вы позвоните своей дочери и затем перезвоню ей в Шотландию. Где она находится? В Глазго?

– Нет, в Эдинбурге. Сейчас я ей перезвоню. Прямо сейчас, – заверила его Малкина.

Дронго отключился и взглянул на Вейдеманиса.

– Такие совпадения случаются очень редко, – задумчиво произнес он.

– Это невозможно, – убежденно произнес Эдгар.

– Два схожих покушения, – задумчиво сказал Дронго, – оба раза Смыкалов был ранен, и в обоих случаях нападавших убивали сразу после неудачных покушений. Такие вот почти невероятные совпадения. Очень любопытное дело. Мне нужно будет получить информацию по обоим покушениям. Как можно более полную и проверенную информацию. Кто были эти нападавшие, что именно они хотели. Тип оружия, где это было, кто из охранников был задействован в операциях, кто стрелял, каким образом они пропускали каждый раз нападавших, почему те оказывались настолько близко к Смыкалову и успевали сделать первый выстрел. В общем, вся информация по двум покушениям. Сумеете сделать?

– Постараемся, – вздохнул Вейдеманис. – Когда это нужно?

– Вчера, – ответил Дронго, и его друг понимающе кивнул.

Через минуту уже разговаривали с Жанной Смыкаловой-Малкиной, дочь Илья Смыкалова и Зинаиды Малкиной. Она оказалась молодой симпатичной женщиной с очень короткой стрижкой. Правильные черты лица, печальные глаза, нос с небольшой горбинкой.

– Добрый вечер, госпожа Смыкалова, – начал Дронго, – или мне можно обращаться к вам просто Жанна?

– Давайте проще, – согласилась она, – мне уже мама позвонила и все объяснила. Она никак не может успокоиться, узнав о том, что я собираюсь поехать на юг, в загородную резиденцию отца в Бакингершире. Ей все время мерещатся заговоры и покушения.

– Но на вашего отца уже дважды покушались, – напомнил Дронго. – Вам не кажется, что этого достаточно, чтобы ваша мама так волновалась?

– Наверно, вы правы. Но в любом случае у отца очень хорошая охрана, – сообщила Жанна, – поэтому я не очень беспокоюсь. Да и вечером в доме будут только очень близкие люди.

– Тем не менее ваша мама волнуется. Она решила, что будет лучше, если мы поедем туда вместе с вами.

– Это я уже знаю, – улыбнулась Жанна. – Между прочим, это я рассказала маме о таком блестящем специалисте, как вы. И я уже поняла, что поеду туда вместе с вами, поэтому буду чувствовать себя как за каменной стеной. Я много читала про ваши расследования в Интернете, хотя представляла вас себе несколько другим.

– Интересно... – пробормотал он. – Можно узнать, каким именно вы меня представляли, Жанна?

– Такой солидный, очень полный мужчина с трубкой в зубах, – с улыбкой призналась она, – который медленно говорит, много дымит своей трубкой и все заранее знает, даже как поступит каждый из его собеседников. Такой всезнающий и всемогущий тип.

– Должен вас разочаровать. Я не такой полный и никогда в жизни не курил. До сих пор не выкурил ни одной сигареты, – признался Дронго.

– Bravo! – воскликнула она. – Вы просто идеальный мужчина! Неужели никто из женщин еще не сделал вам предложения? Зарабатываете вы совсем не традиционным способом, являетесь достаточно состоятельным человеком, судя по количеству ваших расследований...

– Я уже женат, – довольно невежливо перебил свою собеседницу Дронго.

– Жаль, – улыбнулась она, – я бы тоже сделала вам предложение. Но все равно приятно, хоть мы и отправимся под видом мнимых любовников. Надеюсь, что вы меня не разочаруете.

– Я тоже надеюсь. Где мы встретимся?

– Давайте в Лондоне на станции Паддингтон через три дня. У нас будет в запасе целый день, и мы сможем пообщаться. И дайте мне номер вашего мобильного телефона, а я вам – номер своего. Чтобы мы быстрее нашли друг друга.

Они обменялись номерами телефонов, Дронго попрощался с Жанной и выключил ноутбук. В очередной раз взглянул на своего напарника.

– Решил поехать, – понял Вейдеманис.

– Дело кажется мне достаточно интересным, – признался Дронго, – а Жанну просто жалко. Симпатичная, веселая, общительная женщина, которой может грозить смертельная опасность. Ты же все слышал.

– И этого достаточно, чтобы полететь в Лондон? – спросил Эдгар.

– Добавь еще чек ее матери на такую крупную сумму, – напомнил Дронго.

– И тебе не стыдно? Ты действительно стал наемным детективом, – пошутил Эдгар.

– Почему стал, а не стали? – спросил Дронго. – Разве я не сказал, что мы полетим туда вдвоем? Мне понадобится помощник. И я не знаю лучшего напарника, чем ты, Эдгар.

– Когда вылетаем?

– У нас есть три дня в запасе, – вспомнил Дронго, – а значит, мы можем добраться до Лондона с некоторым комфортом, если сумеем достать билеты на поезд, следующий из Москвы в Берлин. Скорый поезд, в котором есть специальный вагон премиум-класса. В нем большие купе со своими санузлами, душевыми кабинами, телевизорами и двуспальными кроватями. Если выедем рано утром, то на следующий день, тоже утром, будет в Берлине, а вечером этого же дня в Лондоне.

– Каким образом?

– Система экспрессов, – пояснил Дронго, – из Берлина до Кельна идет специальный экспресс за четыре с половиной часа, затем другой экспресс за два с половиной часа доведет нас до Брюсселя, и наконец, еще за два часа мы доедем на «Евростаре» по тоннелю до Лондона. Все просто, и не нужно садиться на самолет.

– Два дня на разных поездах – это не для меня, – возразил Вейдеманис. – Я сойду с ума. Лучше полечу самолетом и встречу тебя в Лондоне.

– А еще напарник, – покачал головой Дронго, – вместо того чтобы меня поддержать, готов меня бросить. Ты ведь знаешь, как я не люблю летать. Но чтобы быть через три дня утром на вокзале Паддингтон, я должен выехать уже завтра рано утром. А поезда до Берлина из Москвы отправляются, насколько я помню, по вторникам и субботам. Значит, я все равно не успеваю. Придется лететь самолетом. Заказывай нам два билета бизнес-класса до Лондона, – согласился Дронго. – Только учти, что за нами могут следить, и поэтому в самолете мы должны сидеть в разных местах. Но такие вещи ты знаешь лучше меня, все-таки это ты у нас работал в нелегальной разведке.

– Думаешь, что за тобой могут следить?

– Обязательно будут следить. Достаточно заплатить немного фрау Штейгер – и можно получать всю информацию из первых рук. И, судя по всему, кто-то именно так и сделал. Во всяком случае, фрау Штейгер явно работает сразу на две команды, это было заметно по ее вопросам.

Вейдеманис задумчиво кивнул. Оба напарника не подозревали, что убийство в загородном доме произойдет именно в день их приезда. И ни Дронго, ни его друг Вейдеманис и даже ни многочисленные сотрудники охраны, находящиеся в доме, не смогут ничего сделать, чтобы предотвратить убийство.

Глава 4

Он хорошо запомнил эти два дня, девятнадцатое и двадцатое августа девяносто первого года. В первые часы после объявления о введении чрезвычайного положения казалось, что все начнет возвращаться к прежней жизни. Илья Данилович сидел за своим столом, сознавая, что больше никаких существенных изменений в его жизни не будет. А возможно, после всего происшедшего его попросят уйти и отсюда. Никто не сомневался, что генерального директора Кирюхина обязательно снимут с работы, если не арестуют. Уже громко обсуждались возможные кандидаты на эту должность, среди которых был и не сдавший своего партийного билета бывший секретарь партийной организации предприятия Самсон Михайлович Руднев.

Казалось, что все теперь невероятным образом вернется в прошлое, в период застоя. Но изменения последних лет были настолько радикальными, а энергия народных масс, искренне желающих перемен, была настолько очевидной, что уже к концу первого дня стало понятно, что опереточный переворот превращается в глупый фарс. К концу второго дня все было практически закончено. Конечно, Кирюхин даже и не думал в эти два дня появляться на своем предприятии, очевидно опасаясь возможного ареста или снятия с должности. Зато он участвовал вместе с другими бизнесменами и брокерами в изготовлении большого российского флага, который торжественно пронесли по улицам столицы.

К концу второго дня стало очевидным поражение союзной власти, все более и более уступающей российской. Бывшие союзные чиновники, люди честные и порядочные, но не обладавшие ни должной энергетикой, ни собственной волей, ни способностью к руководству страной в кризисных условиях, просто волею судеб оказались перед лицом надвигающейся катастрофы и сделали последнюю отчаянную попытку спасти страну. Победители потом обвинят их в том, что они боролись исключительно за свои посты и должности. Возможно, такие мотивы имели место, но они были слишком ничтожны по сравнению с желанием избежать той катастрофы, которая надвигалась на страну и которую эти обреченные политики видели лучше других.

А вот российские руководители действительно боролись за собственное выживание, понимая, чем именно грозит им победа союзного руководства. Назвать демократами Ельцина, Руцкого и Хасбулатова можно только в абсолютном бреде. Первый расстреляет собственный парламент из танков и станет вдохновителем самых позорных выборов в истории новой России в девяносто шестом году. О массовом обнищании населения, утрате престижа России на международной арене и невероятной криминализации всего общества лучше вообще не вспоминать. При этом основные богатства самой большой и богатой страны мира будут отданы в руки нескольких особо приближенных олигархов. Уже позже даже российский патриарх Кирилл назовет девяностые годы лихими, отмечая пагубность этого времени для развития страны.

Об остальных даже неприлично говорить, ведь среди тех, кто будет так неистово защищать «демократию», окажутся в большинстве своем люди, которые уже в ближайшем будущем получили дивиденды именно от распада страны. Среди них не будет Руцкого и Хасбулатова, которые сделают неудачную попытку отстранения Ельцина от власти и, потерпев поражение, навсегда останутся в истории всего лишь незадачливыми политиками.

В декабре Ельцин действительно произведет настоящий государственный переворот, подписав вместе с двумя другими руководителями союзных республик соглашение о распаде большой страны. При этом ни один из них так и не осознает, какую ответственность возьмет на себя, приняв участие в столь позорном оформлении распада собственной страны. Почти сразу уйдет презируемый собственным народом Шушкевич, проиграет выборы амбициозный и еще более презируемый бывший секретарь по идеологии и неистовый коммунист Кравчук. И только Ельцин с его невероятной энергетикой и харизмой сумеет удержаться у власти, умудрившись за восемь с половиной лет своего правления разорить собственную страну и изменить

ее менталитет. Слова «честность», «порядочность», «совесть» исчезнут из лексикона народа, когда их заменяют словами «выгода» и «нажива». Именно при Ельцине начнутся две чеченские войны, вспыхнут конфликты во многих соседних республиках и в самой России, будет проведена абсолютно бессовестная и бесчестная приватизация, со страной перестанут считаться на международной арене, произойдет знаменитый августовский дефолт и, наконец, именно под руководством первого президента России будет осуществлен вывод войск из Восточной Германии.

Если бы Ельцин провел только этот вывод войск, то и тогда он заслужил бы вечное проклятие всех павших на той страшной войне. Он умудрился в состоянии абсолютного опьянения, под хохот немецких официальных чиновников, дирижировать выводом российских войск из Берлина. Остается удивляться выдержке офицеров и генералов, наблюдавших за этим позорным фиглярством. Подобного надругательства над памятью погибших трудно было себе представить. Войска входили в Берлин с кровью, с громадными потерями, а выводили их оттуда под пьяное дирижирование «верховного главнокомандующего» и хохот немцев, которым, безусловно, нравился этот парадокс мировой истории: победитель вынужден был занимать деньги у побежденных.

За эти два дня Смыкалов услышал очень много обидных слов в свой адрес, а начальник отдела кадров, бывший фронтовик, уволенный из армии майор, уже не стесняясь, намекал Илье Даниловичу, что ему необходимо подумать о новом месте работы, так как он не сможет остаться в их дружном коллективе после всего случившегося. Ведь все знали, что уже был готов приказ о назначении Смыкалова начальником финансового отдела, куда хотел его продвинуть бывший однокашник, «ренегат» и «демократ» Борис Захарович Кирюхин, выбросивший свой партийный билет и готовый поддержать это непредсказуемое российское руководство.

Аннушка целый день девятнадцатого и даже утром двадцатого ядовито спрашивала насчет кофе, который хотел выпить Смыкалов. Ванда Богдановна перестала с ним здороваться, а Халифман, увидев Илью Даниловича в коридоре, быстро зашел в соседнюю комнату, чтобы не встречаться с ним. Два раза его вызывал к себе заместитель директора по финансовым вопросам Аркадий Николаевич Сидоряк, который в отсутствие Кирюхина руководил предприятием. Первый заместитель генерального директора Никулин был в отпуске, а оставшийся «на хозяйстве» Сидоряк был старожилом предприятия, проработав на нем почти тридцать лет. Он прекрасно был осведомлен о планах Кирюхина назначить Смыкалова вместо Руднева и активно противился этому назначению. С Рудневым они работали уже много лет и привыкли друг к другу. А Смыкалова он считал ни на что не годным финансистом, бесхребетным тьюфтей, как он называл его за глаза. И теперь, когда назначение Ильи Даниловича откладывалось, Сидоряк с изрядной долей сарказма и иронии вызывал его к себе и распекал за финансовый отчет, сделанный по итогам первого полугодия, хотя на самом деле отчет был составлен почти идеально: финансистом Смыкалов действительно был хорошим. Но возражать всесильному заместителю директора не имело смысла. К тому же в коридорах ходили упрямые слухи, что именно Сидоряк заменит Кирюхина на его посту. Борис Захарович был молод, считался либералом, откровенно поддерживал Ельцина и новую российскую власть. Сидоряк был старше Кирюхина более чем на двадцать лет, был старожилом предприятия, никогда не выходил из партии, имел несколько орденов и даже являлся членом бюро районного комитета партии.

Наконец наступило двадцать первое августа. Утром Илья Данилович привычно рано сел в автобус, направлявшийся к станции метро, и выслушал замечания своих соседей по поводу неудавшегося переворота. Затем, в метро, только и говорили, что о трех парнях – защитниках российской власти от заговорщиков, погибших вчера у Белого дома. Правда, сначала говорили о десятках погибших, как всегда сильно преувеличивая, но уже ближе к полудню стало известно, что погибли только трое.

Все знали, что переворот не удался, но некоторая неопределенность все еще сохранялась, так как все ждали известий из Фороса, где находился якобы изолированный Михаил Горбачев. Еще никто не знал, что к нему уже собираются вылетать самолеты и с членами ГКЧП, готовыми каяться перед бывшим лидером страны, и с представителями нового российского руководства, которые летели «освободить» арестованного президента.

Смыкалов сидел за столом, просматривая бумаги, когда ему позвонили и сообщили, что его вызывает к себе генеральный директор.

– Какой генеральный директор? – встрепенулся Илья Данилович.

– Наш генеральный, – с явным осуждением сказала секретарь. – Я не понимаю вашего вопроса, Смыкалов.

Она перешла сюда вместе с Борисом Кирюхиным из другого предприятия, где он работал заместителем директора. Нонне Альбертовне было около тридцати пяти. Злые языки утверждали, что она слишком близка к своему шефу и часто подсказывает ему некоторые кадровые назначения. Она не была замужем, не имела детей, отличалась очень хорошей фигурой. В молодости Нонна Альбертовна профессионально занималась художественной гимнастикой и даже выигрывала первенство Москвы – до сих пор у нее были удивительно правильная осанка и мягкий шаг. Ее боялись и не любили на предприятии. Но многие полагали, что сразу после увольнения Кирюхина уйдет и она.

– Разве назначили уже нового? – все еще не осознавая, что происходит, уточнил Илья Данилович.

– И он считает вас своим другом... – укоризненно сказала Нонна Альбертовна. – Как вы можете так говорить? Никакого нового генерального директора у нас нет и не может быть. Вас вызывает к себе Борис Захарович.

– Он вернулся? – не поверил услышанному Смыкалов.

– А почему он не должен был вернуться? – уже явно раздражаясь, спросила секретарь. – Он вас вызывает. Вы придете или мне доложить, что вы ждете назначения нового директора?

– Конечно, приду, – встрепенулся Илья Данилович, – здесь просто разное говорили...

Он вдруг услышал гулкую тишину вокруг себя. Все молча смотрели на него, очевидно, уже понимая, с кем именно он разговаривает.

– Он еще и стучит, – негромко сказал кто-то, и все снова заработали.

– Я сейчас приду, – тихо проговорил Смыкалов и положил трубку.

Он посмотрел по сторонам – люди избегали его взгляда. «Кажется, мне действительно лучше отсюда уйти», – мрачно подумал он.

Он быстро поднялся и вышел. В коридоре царил необычное оживление. Все обсуждали последние события в Москве. Смыкалов поднялся на шестой этаж, где находился кабинет генерального директора. Вошел в приемную. Сидевшая там Нонна Альбертовна смерила его недовольным взглядом. У нее было узкое, немного вытянутое лицо, какое бывает обычно у художавых людей, очки в тонкой оправе, правильные черты лица.

– Пришли наконец, – язвительно сказала она. – Можно только поражаться благородству Бориса Захаровича. Вы готовы были его сразу сдать.

– Это не я, – жалобно произнес Илья, – просто я боялся, что они не дадут ему работать. Все говорили, что он за Ельцина. Поэтому его могут снять. И все считали, что меня тоже выгонят. Даже Аркадий Николаевич. Он уже два дня на меня кричит, а я даже не понимаю, за что именно он меня ругает.

– Как это не понимаете, – усмехнулась Нонна Альбертовна, – вы должны понимать. Вас же хотели назначить начальником финансового отдела вместо Руднева, вот поэтому Аркадий Николаевич и бесился. Он ведь был категорически против...

– А теперь уже не хотят? – грустно уточнил Смыкалов.

– Не хотят, – вынесла беспощадный приговор Нонна Альбертовна, – но вы особенно не переживайте. Аркадий Николаевич больше не будет на вас кричать, – она подняла трубку и доложила о приходе Смыкалова.

«Меня увольняют, – понял Илья Данилович, – и уже точно не назначат на место Руднева. Секретари всегда в курсе всех последних событий».

– Входите, – разрешила Нонна Альбертовна, – он вас ждет.

Смыкалов осторожно вошел в кабинет. Борис разговаривал по телефону. Увидев Илью, он сделал энергичный знак рукой, чтобы тот проходил к столу, и продолжил разговаривать.

– Я все знаю, – говорил Кирюхин, – конечно, я в курсе. Он подписал это письмо и теперь сам сожалеет о случившемся. Нет, разумеется, нет. Ни в коем случае. Я ему уже все объяснил. Он должен понимать, что после этого письма он уже не сможет здесь оставаться. Да, конечно. Я так и сказал. Нет, нет. Не беспокойтесь. Кандидатура у меня есть... – Он посмотрел на стоявшего Смыкалова и сделал жест рукой, чтобы тот садился. Затем продолжил разговор: – Я обязательно приеду. Буду ждать от вас новостей. Да, я уже издал приказ о нашем переподчинении. Из союзного ведомства мы переходим в подчинение вашего республиканского министерства. И вообще, я приказал больше ни одного отчета в союзное министерство не отправлять. Да, оформил своим приказом. До свидания.

Кирюхин положил трубку и посмотрел на сидевшего в его кабинете Смыкалова. У Бориса были светлые волосы, упрямый подбородок и всегда немного насмешливые глаза. Он подмигнул Илье.

– Видишь, как все обернулось. Горбачев сегодня возвращается в Москву, а членов ГКЧП будут арестовывать. Вот такие у нас новости...

– Что и следовало ожидать, – мрачно прокомментировал Смыкалов.

– Все могло обернуться иначе, – возразил Кирюхин, – просто среди этих политиков не нашлось ни одного мужика с яйцами. Все оказались трусливыми и нерешительными слизняками. А Ельцин молодец. Залез на танк и объявил их вне закона. Теперь мы победители. Я уже издал приказ о том, что мы переходим из союзного подчинения в республиканское. Звонили из министерства, пытались мне угрожать, ну я их и послал куда подальше.

Смыкалов понимающе кивнул. Он знал, что с руководством из союзного министерства у Кирюхина всегда были определенные проблемы.

– А ты, наверно, решил, что я о тебе забыл? – неожиданно спросил Борис. – Должен был выйти их отпуска девятнадцатого и подписать твой приказ. Ну ты сам видишь, что получилось. Все так закружилось и завертелось. Мне было явно не до этого. А здесь, говорят, некоторые даже радовались, что я не успел подписать твой приказ.

Илья Данилович вспомнил, как с ним не здоровалась Ванда Богдановна, как его избегал Халифман, как распекал Сидоряк и как издевалась над ним Аннушка. Рассказывать об этом не имело смысла. Он только вздохнул.

– Вы правы, Борис Захарович, – признался он, – не все были готовы к такому назначению.

– Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не называл меня по имени-отчеству, – поморщился Кирюхин, – и не нужно обращаться ко мне на «вы». В конце концов, мы с тобой пять лет учились в одной группе. У тебя совесть есть?

– Есть, Борис За... Есть, конечно. Но я думаю, что будет правильно соблюдать субординацию.

– Я смотрел твое личное дело и вспомнил, что ты родился в сентябре, – сказал Кирюхин, – а я, между прочим, родился в ноябре. Значит, ты на два месяца старше меня. И кончай обращаться ко мне по имени-отчеству.

– Как скажете... Как скажешь.

– Скажу. Ты ведь понимаешь, какие революционные изменения происходят сейчас в стране и вообще в мире. А наше предприятие считается одним из ведущих в отрасли. И сей-

час, когда мы переходим из союзного подчинения в республиканское, мне просто необходимо сохранить такого специалиста, как Руднев. Сам понимаешь, что я не могу отправить его на пенсию именно сейчас.

«Мое назначение не состоится, – обреченно подумал Илья Данилович, – что и следовало ожидать. В этой стране все изменения, которые происходят, бывают явно не в мою пользу».

Но вслух он сказал совсем другое:

– Как ты считаешь нужным, так и поступай. Я тоже думаю, что Руднева сейчас менять нецелесообразно.

– И тебе не обидно, что я не выполню своего обещания и ты не станешь начальником отдела? – встрепнулся Кирюхин.

– Обидно, конечно. Но что делать? Ты сам говоришь, что нужно сохранить Самсона Михайловича. Тебе виднее. Ты у нас генеральный директор, – обреченно ответил Смыкалов.

«Сейчас он предложит мне написать заявление «по собственному желанию», – обреченно думал Илья. – И где я найду сейчас работу? В такое сложное время».

– Поэтому я и решил его оставить, – продолжал Кирюхин, – пусть еще немного поработает. А на пенсию мы его всегда успеем отправить...

Он не сказал, что будет с самим Смыкаловым, а Илья Данилович не решился спросить. Было понятно, что его уже не назначат.

– Ты слышал, что учудил наш старик? – неожиданно спросил Кирюхин.

– Ты спрашиваешь об Аркадии Николаевиче?

– Конечно, о нем. Этот негибавший большевик чуть не подставил всех нас. Пока Никулин в отпуске, он формально считается исполняющим обязанности первого заместителя. А когда меня два дня не было на месте, он заменял и меня. Понятно, что я был там, у Белого дома, защищал нашу демократию. Зато Сидоряк в это время подписывал обращение к коммунистам и беспартийным с призывом поддержать решения ГКЧП. Представляешь, какой идиот? Все уже в первый день понимали, что эта глупая авантюра обречена на провал. Один Сидоряк упрямо не хотел в это верить. И еще вчера подписал такое обращение. Мне сегодня звонили из Белого дома, требуют немедленно уволить Аркадия Николаевича.

– Победитель получает все, – вспомнил римскую историю Смыкалов.

– При чем тут победитель? – нахмурился Кирюхин. – Уже понятно, что в современных условиях держать таких старорежимных монстров просто невозможно. Он всех нас компрометирует. Я думаю, что уже завтра или послезавтра Борис Николаевич объявит о запрете Коммунистической партии. Что тогда будет с Аркадием Николаевичем, который до сих пор является членом бюро райкома партии?

– Я думаю, до этого не дойдет, – осторожно предположил Смыкалов.

– Еще как дойдет, – возразил Кирюхин, – обязательно дойдет. Но мы все равно не можем держать такого ортодоксального типа, как Аркадий Николаевич. Я сегодня предложил ему написать заявление о выходе на пенсию. Ему давно пора гулять по даче, учитывая его возраст. Ему ведь далеко за шестьдесят.

– Он согласился? – равнодушно поинтересовался Смыкалов. Теперь все, что не касалось его лично, воспринималось им как нечто отстраненное, незначительное.

– А куда он денется? Конечно, согласился. Сам понимает, что у нас произошло. Если бы они победили, он бы сейчас требовал у меня заявление об уходе. Или не требовал. Говорят, что было заготовлено двести или триста тысяч пар наручников. Меня бы сейчас гнали по этапу куда-нибудь в Сибирь.

Он весело усмехнулся. Смыкалов молчал. Он терпеливо ждал, когда его наконец отпустят. Все было решено окончательно. Руднев оставался работать на предприятии, а Илья Данилович должен был возвращаться за опостылевший ему стол и выслушивать насмешки сотрудников финансового отдела и хамство Аннушки, которая не могла простить ему его

покровительственного тона утром девятнадцатого августа. «Придется перетерпеть и это, – обреченно подумал Смыкалов, – лишь бы не уволили с работы».

– В общем, он должен уйти, – продолжал Кирюхин, – и понятно, что нам нужен новый заместитель генерального директора по финансовым вопросам.

– Можно выдвинуть Руднева, – безразличным голосом предложил Илья Данилович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.